

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486

Научная статья / Research article

Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье

П.А. Гудев

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Российская Федерация
 gudev@imemo.ru

Аннотация. Восточное Средиземноморье становится новым регионом межгосударственного противостояния и столкновения национальных интересов. Во многом это обусловлено открытием запасов нефти и газа, разработка которых становится возможной с учетом существующих технологий. Особую позицию в отношении этого морского региона занимает Турецкая Республика. На основе обращения к широкому списку источников анализируются те основы — исторические, политические и правовые, которые определяют современную политику Турции в отношении делимитации морских пространств и урегулирования морских споров в Восточном Средиземноморье. В частности, показано, что политика Турции в регионе продолжает строиться на тех подходах, которые были озвучены турецкой стороной еще в ходе проведения I—III Конференций ООН по морскому праву (1958, 1960, 1973—1982 гг. соответственно) и остались неизменными вплоть до сегодняшнего времени. Эта позиция, как в отношении внешних границ территориального моря, правового режима островов, так и разграничения континентального шельфа, продолжает определять суть противоречий между Турцией и другими странами региона, включая Грецию и Республику Кипр. При этом показано, что существует целый набор обстоятельств, которые существенным образом ограничивают перспективы решения этих межгосударственных противоречий в рамках международных судебных инстанций, среди которых Международный Суд ООН и Международный Трибунал по морскому праву. Делается вывод о том, что как для Турции, так и для Греции наиболее приемлемым вариантом была бы выработка «модели» урегулирования, которая не предполагала бы обязательность ее моментальной имплементации. Отдельное внимание уделяется идеологическому и практическому оформлению турецких притязаний в рамках доктрины «Голубая родина», разработанной рядом отставных турецких офицеров. Показано, как с ее помощью Анкара использует идеи пантюркизма и неоосманизма для обоснования своих претензий на обширные морские пространства. При этом отличительной чертой этой доктрины является ее антиамериканская, антинатовская и антиевропейская направленность. Автор приходит к заключению, что определенные идеи, закрепленные в этой концепции, напрямую коррелируются с интересами Российской Федерации.

Ключевые слова: Турция, Греция, США, ЕС, НАТО, Средиземное море, международное морское право, территориальное море, континентальный шельф, Международный Суд ООН, Международный Трибунал по морскому праву

Для цитирования: Гудев П.А. Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 472—486. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486

© Гудев П.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Foundations of Turkish Claims in the Eastern Mediterranean

Pavel A. Gudev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russian Federation
gudev@imemo.ru

Abstract. The Eastern Mediterranean is becoming a new region of interstate confrontation and clash of national interests. This is largely due to the discovery of oil and gas reserves, the development of which is becoming possible with the existing technology. The Republic of Turkey has a special position regarding this maritime region. The paper analyzes those bases — historical, political and legal — that determine Turkey’s current policy with regard to maritime delimitation and the settlement of maritime disputes in the Eastern Mediterranean. Particularly, it is shown that Turkey’s policy in the region continues to be based on the approaches that were announced by Turkey during the I—III UN Conferences on the Law of the Sea (1958, 1960, 1973—1982 respectively), which have remained unchanged up to now. This position, as regards both the outer limits of the territorial sea, the legal regime of islands and the delimitation of the continental shelf, continues to define the essence of the controversy between Turkey and other countries of the region, including Greece and the Republic of Cyprus. At the same time, it is shown that there is a set of circumstances that significantly limit the prospects of solving these interstate contradictions within the framework of international judicial instances, including the International Court of Justice and the International Tribunal for the Law of the Sea. The conclusion is made that, for both Turkey and Greece, the most acceptable option would be to work out a “model” of settlement, which would not imply the obligation of its immediate implementation. Particular attention is paid to the ideological and practical framing of Turkish claims within the framework of the “Blue Homeland” doctrine, developed by a number of retired Turkish officers. It shows how Ankara uses the ideas of pan-Turkism and neo-Ottomanism to justify its claims to vast maritime spaces. The distinctive feature of this doctrine most likely is its anti-American, anti-NATO and anti-European orientation. There is a paradoxical situation when certain ideas enshrined in this concept directly correlate with the interests of the Russian Federation.

Key words: Turkey, Greece, US, EU, NATO, Mediterranean, international law of the sea, territorial sea, continental shelf, UN International Court of Justice, International Tribunal for the Law of the Sea

For citation: Gudev, P. A. (2021). Foundations of Turkish Claims in the Eastern Mediterranean. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 472—486. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486>

Введение

Турция проводит достаточно агрессивную и провокационную политику в тех регионах мира, которые она рассматривает как попадающие в сферу ее геополитических интересов. С одной стороны, такая внешняя политика напрямую связана с личностью президента Р.Т. Эрдогана, с другой стороны, она опирается на определенную идеологию, в том числе неоосманизма и пантюркизма, которые носят яркий наступательный характер. Доктринальное оформление этой идеологии применительно к морским пространствам вылилось в разработку концепции «Голубая родина» (*Mavi Vatan*), обосновывающей притязания Анкары на те или иные акватории.

В районе Восточного Средиземноморья, где пересекаются интересы не только Турции и Греции (в отношении пространств и

акваторий Эгейского моря), Турции и других региональных государств (Республики Кипр, Израиль, Сирия, Египта, Ливана и др.), но и Турции и внерегиональных стран (США, стран — членов ЕС и НАТО, Российской Федерации), подход официальной Анкары по защите своих национальных интересов непосредственно опирается на определенную историческую практику и позиционирование, которые не всегда соответствуют действующим нормам и положениям международного, прежде всего морского, права. Однако для Анкары в выборе между международным правом и критерием справедливости именно последний рассматривается как наиболее важный и единственно верный. Акцентируя на этом внимание, Анкара продолжает отстаивать собственное видение в отношении применения и интерпретации тех или иных конвенционных норм.

Турция и внешние границы территориального моря

Как известно, Турция является категорическим противником введения 12-мильного лимита территориального моря со стороны Греции в Эгейском море, в особенности вокруг огромного количества греческих островов, так как такой шаг приведет к тому, что большая часть его акватории, воздушного пространства, дна и недр окажется под суверенитетом Греции, а значит, интересы Анкары в области судоходства, полетов и доступа к живым и неживым ресурсам будут существенно ограничены. Напомним в этой связи, что 12-мильный лимит территориального моря был введен в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а само обсуждение расширения внешней границы с трех до шести (12) морских миль происходило в рамках I и II Конференций ООН по морскому праву (1958 и 1960 гг.).

Для нас принципиально важным является то, что Турция не только не подписала и не ратифицировала четыре ключевые Конвенции 1958 г. — об открытом море, о территориальном море и прилегающей зоне, о континентальном шельфе, о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря, но уже тогда выступала за сохранение именно 3-мильного лимита территориального моря, правда, не возражая против его расширения до шести морских миль, но лишь исключительно на основе принципа взаимности (Inan & Gozen, 2009, p. 154). При этом Анкара всегда ссылалась на положения Лозаннского мирного договора 1923 г., где в ст. 12 было зафиксировано, что «за исключением случаев, когда в настоящем Договоре содержится положение об обратном, острова, расположенные менее чем в трех морских милях от азиатского побережья, остаются под суверенитетом Турции»¹. Для Турции это положение ст. 12 было фактическим доказательством того, что обе страны — и Греция, и Турция —

обязаны соблюдать этот лимит, а если и вводить новые внешние границы, то лишь по согласованию друг с другом.

Тем не менее, реагируя на трансформации международного морского права, Турция в 1960 г. поддержала формулу 6+6, которая предполагала равные лимиты для территориального моря и рыболовной зоны за ее пределами. Однако в 1964 г. она отошла от своего первоначального подхода и расширила внешние границы территориального моря с трех до шести морских миль². Вместе с тем в ст. 2 соответствующего закона было введено исключение, предусматривавшее, что более широкие границы могут объявляться на основе взаимности, если другие государства вводят более протяженные границы территориального моря. В соответствии с этим положением границы территориальных вод Турции были расширены на основе взаимности до 12 морских миль в Черном и Средиземном морях, в то время как ширина территориальных вод в Эгейском море сохранилась на уровне шести морских миль (Inan & Gozen, 2009, pp. 155—156).

Выступая против расширения внешней границы территориального моря Греции с 6 до 12 морских миль в Эгейском море, Анкара еще с 1974 г. использует тезис о том, что таким образом Эгейское море превратится в «греческое озеро» (Politakis, 1995, p. 510). Официальная позиция Турции по этому вопросу сформулирована таким образом, что Эгейское море — это уникальный морской регион, узкое, полузамкнутое море с рядом географических особенностей, таких как наличие более 1 тыс. греческих островов. Греция и Турция обладают в Эгейском море равными правами и законными интересами, касающимися обеспечения их безопасности, развития экономики, осуществления судоходства и других традиционных видов использования открытого моря. Сохранение 6-мильного лимита — это, по мнению официальных лиц Турции, важный элемент сохранения текущего статус-кво в регионе,

¹ Treaty of Peace with Turkey Signed at Lausanne // World War I Document Archive. July 24, 1923. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Lausanne (accessed: 10.02.2021).

² Отметим, что Греция перешла на 6-мильный лимит территориального моря еще в 1936 г.

основанного на балансе прав и интересов двух стран³.

Действительно, при нынешней 6-мильной границе территориального моря обеих стран Греция благодаря наличию многочисленных островов владеет примерно 43,5 % Эгейского моря, а доля Турции составляет 7,5 %. Остальная половина Эгейского моря — это открытое море, которое свободно используется Турцией и другими странами международного сообщества в соответствии с международным правом. Любое расширение греческого территориального моря за пределы шести миль приведет к тому, что греческий суверенитет и суверенные права будут распространены на нынешние акватории открытого моря, международное воздушное пространство, а также континентальный шельф, который остается спорным районом, еще не разграниченным между Турцией и Грецией. Таким образом, Турция с протяженной береговой линией в Эгейском море, измеряемой тысячами миль, будет заблокирована в этом море. Турецкое побережье будет окружено греческими территориальными водами, и Турция будет практически отрезана от открытого моря (van Dyke, 2005, p. 84).

В ответ на заявления Греции о легитимности такого шага, в том числе последовавшие за ратификацией Конвенции ООН по морскому праву в 1995 г.⁴, 8 июня 1995 г. турецкий парламент заявил, что такие действия Греции будут восприняты турецкой стороной как «объявление войны» (*casus belli*) (Yiallourides, 2019, p. 49). С тех пор на любые попытки Греции расширить внешние границы своего территориального моря Анкара ссылается на то, что данное заявление турецкого парламента не утратило свою силу⁵.

Правда, нельзя не заметить, что у греческих экспертов есть свои аналогичные претензии к Турции. Например, они отмечают, что Анкара неоднократно ставила под вопрос принадлежность Греции тех или иных островов в Эгейском море. Так, в частности, в 1976 г. премьер-министр Турции заявил, что Докаденесский архипелаг — это не греческая территория, а просто Эгейские острова. Тогда же было сделано похожее заявление, что все острова Эгейского моря в пределах 50 морских миль от турецкого побережья должны принадлежать Турции. Почему же эти заявления Анкары не могут восприниматься как *casus belli* в Афинах? — справедливо задаются вопросом греческие эксперты (Politakis, 1995, p. 513).

Турция на III Конференции ООН по морскому праву (1973—1982 гг.)

В ходе переговоров Анкара не изменила свою позицию в отношении внешних границ территориального моря: она полагала, что они не могут быть установлены таким образом, чтобы ограничивать выход другого прибрежного государства в открытое море, а также вести к тому, чтобы «отрезать» территориальное море другого государства⁶. При этом Турция считала, что в полузамкнутых морях, имеющих особые географические характеристики, к коим безусловно относится и Эгейское, установление внешних границ территориального моря должно осуществляться путем согласования между всеми региональными странами. Если же у государств со смежными или же противоположными побережьями возникнет необходимость разграничения территориальных морей, то

³ Письмо Постоянного представителя Турции при ООН от 23 июня 1995 года на имя Генерального секретаря. A/50/256. 23.06.1995 // ООН. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/50/256&Lang=R (дата обращения: 18.02.2021).

⁴ Письмо Постоянного представителя Греции при ООН от 21 июня 1995 года на имя Генерального секретаря. A/50/216. 21.06.1995 // ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/50/216> (дата обращения: 18.02.2021).

⁵ Greece, Turkey in spat over extension of territorial waters // Ekathimerini. October 23, 2018. URL:

<https://www.ekathimerini.com/233935/article/ekathimerini/news/greece-turkey-in-spat-over-extension-of-territorial-waters> (accessed: 15.03.2021).

⁶ A/CONF.62/C.2/L.8 Turkey: draft article on the breadth of the territorial sea; global or regional criteria; open seas and oceans, semi-enclosed seas and enclosed seas // Third United Nations Conference on the Law of the Sea, 1973—1982. Vol. III: Documents of the Conference, Second Session. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_l8.pdf (accessed: 15.03.2021).

оно должно быть достигнуто путем заключения соответствующего соглашения, основанного на принципе справедливости⁷. В ходе переговоров стороны могут использовать различные комбинации методов делимитации, но опять-таки с целью достижения исключительно справедливого решения. Именно поэтому такие особые географические характеристики Эгейского моря, как протяженность береговой линии двух государств, а также наличие большого количества островов, островков и скал должно учитываться в первую очередь.

Как известно, Конвенция 1982 г. наделила острова — естественные образования суши, имеющие возможность поддерживать жизнедеятельность человека и находящиеся выше уровня воды, — правом на формирование всех возможных морских зон: территориального моря, исключительной экономической зоны (ИЭЗ) и континентального шельфа (КШ) (Тихомин, 2008). Турция, однако, изначально была не согласна с таким правовым режимом⁸.

Во-первых, она считала, что острова не могут формировать вокруг себя ИЭЗ и КШ, если расположены в пределах ИЭЗ и на КШ другого государства⁹, а их площадь составляет менее 1/10 от материковой площади прибрежного государства, а население — менее 1/10 от населения материковой части прибрежного государства.

Во-вторых, как острова, так и скалы и осыхающие при отливе возвышения, не имеющие возможности поддерживать жизнедеятельность человека и расположенные за

⁷ A/CONF.62/C.2/L.9 Turkey: draft article on the delimitation of the territorial sea; various aspects involved seas // Third United Nations Conference on the Law of the Sea, 1973—1982. Vol. III: Documents of the Conference, Second Session. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_19.pdf (accessed: 15.03.2021).

⁸ A/CONF.62/C.2/L.55 Turkey: draft articles on the regime of islands seas // Third United Nations Conference on the Law of the Sea, 1973—1982. Vol. III: Documents of the Conference, Second Session. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_155.pdf (accessed: 15.03.2021).

⁹ В случае же Эгейского моря — Турции, по мнению официальной Анкары.

пределом территориального моря, не могут иметь никаких морских зон вокруг себя.

В-третьих, государства, имеющие под своим суверенитетом группы островов, не могут претендовать на суверенитет над ними лишь на основании концепции архипелажных вод и статуса государства-архипелага¹⁰.

Наконец, Турция отстаивала позицию, что в полузамкнутых морских регионах с их особыми географическими характеристиками установление морских зон вокруг островов должно определяться соответствующими региональными странами. Естественно, что такая позиция Турции не могла устроить греческую сторону, которая всячески поддерживала иное видение правового режима островов¹¹, которое в конечном счете и было зафиксировано в ст. 121 Конвенции 1982 г.

Особое мнение имела Турция и по вопросу о правовом режиме континентального шельфа. Оно отличалось как от той правовой формулы, которая была зафиксирована еще в Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. — это так называемый критерий «эксплуататбельности»¹², так и от дистанционного критерия¹³, закрепленного позднее в

¹⁰ Греция не может быть отнесена к данной категории, так как не соответствует критерию, изложенному в ст. 46 Конвенции 1982 г., а именно: «Государство-архипелаг» означает государство, которое состоит полностью из одного или более архипелагов и может включать другие острова».

¹¹ A/CONF.62/C.2/L.50 Greece: draft articles on the regime of islands and other related matters seas // Third United Nations Conference on the Law of the Sea, 1973—1982. Vol. III: Documents of the Conference, Second Session. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_150.pdf (accessed: 15.03.2021).

¹² Ст. 1 позволяла разработку его ресурсов до тех глубин, до которых прибрежное государство при наличии соответствующих технологий могло позволить себе разрабатывать естественные богатства этих районов.

¹³ Права на континентальный шельф (подводную окраину материка) в пределах 200 морских миль от исходных линий получали абсолютно все прибрежные государства, даже те, которые с геологической точки зрения таким шельфом не обладали; при наличии соответствующих геологических, геоморфологических и батиметрических характеристик внешние границы континентального шельфа могут быть отодвинуты за пределы 200 миль: а) на расстояние 350 миль от исходных линий; б) на расстояние в 100 морских миль

Конвенции 1982 г. Анкара настаивала на приоритете концепции «естественного продолжения», то есть в большей степени ориентировалась не на юридическое понимание континентального шельфа, закрепленное в договорном праве, а на его естественно-научное понимание: как продолжение сухопутной территории прибрежного государства через «наличие определенной связи соответствующих участков морского дна и недр с континентальным массивом прибрежного государства, которая может подтверждаться строением, структурой, формой соответствующих элементов дна и недр, составом образующих их пород, историей их возникновения по отношению к тем же характеристикам сухопутной территории» (Лабуть, 2018, с. 42).

В результате позиция Анкары строилась на том, что большая часть греческих островов Эгейского моря не может обладать собственным континентальным шельфом в рамках ст. 121 Конвенции 1982 г., так как в силу естественных причин эти острова находятся на анатолийском континентальном шельфе.

Турция настаивала, что при разграничении континентального шельфа между государствами на основе соглашения главным опять-таки должен являться принцип справедливости. При этом в ходе переговоров государства должны учитывать значимые факторы, среди которых геоморфологическая и геологическая структура шельфа вплоть до внешних границ подводной окраины материка, а также особые обстоятельства — общее направление береговой линии, наличие островов, островков и скал одного государства на континентальном шельфе другого государства¹⁴.

Безусловно, такая позиция Анкары основывалась на апелляции к решению Международного Суда ООН (МС ООН) 1969 г. по делу

от изобаты 2500 метров (линии, соединяющей точки с глубинами в 2500 м) (ст. 76 Конвенции 1982 г.).

¹⁴ A/CONF.62/C.2/L.23 Turkey: draft article on delimitation between States; various aspects involved seas // Third United Nations Conference on the Law of the Sea, 1973—1982. Vol. III: Documents of the Conference, Second Session. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_l23.pdf (accessed: 15.03.2021).

о континентальном шельфе Северного моря. В нем, в частности, было указано: «По всем вышеприведенным основаниям Суд пришел к выводу, что в каждом случае использование метода равного отстояния не является обязательным для сторон; что не имеется другого единого метода делимитации границ континентального шельфа, применение которого во всех обстоятельствах является обязательным; что при делимитации необходимо действовать по соглашению, следуя *принципам справедливости и принимая во внимание все обстоятельства* (курсив наш. — П.Г.), относящиеся к делу, и тем самым оставить каждой стороне в максимально возможной мере все те части континентального шельфа, которые образуют *естественное продолжение ее территории* (курсив наш. — П.Г.), без вторжения в естественное продолжение сухопутной территории другой стороны; и что если в результате такой делимитации произойдет частичное совпадение территорий, они должны быть разделены между сторонами в согласованных пропорциях либо, в случае недостижения соглашения, поровну, если стороны не примут решения о режиме совместной юрисдикции, совместном пользовании или эксплуатации. При переговорах в число факторов, которые должны быть приняты во внимание, необходимо включить: *общую конфигурацию побережья сторон, а также его особые или необычные признаки; известные или легко устанавливаемые характеристики физической и геологической структуры и природные ресурсы континентального шельфа; показатель какого-то разумного соответствия между размерами территорий континентального шельфа, принадлежащих каждому государству, и длиной побережья этого государства, измеренной по общему направлению береговой линии* (курсив наш. — П.Г.), с учетом уже имеющихся или будущих результатов любых других делимитаций границ континентального шельфа в данном регионе»¹⁵.

¹⁵ Дела о континентальном шельфе Северного моря. Решение от 20 февраля 1969 года // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948—1991. С. 90—95.

Таким образом, в деле о континентальном шельфе Северного моря Суд ориентировался на принцип справедливости при делимитации континентального шельфа Нидерландов, Дании и Федеративной Республики Германии. Строгое применение принципа равноудаленности лишило бы последнюю всей, за исключением небольшой, части шельфа, поскольку береговая линия Германии вогнута. Суд постановил, что «соответствующие обстоятельства», которые следует учитывать при достижении справедливого решения, включают конфигурацию береговой линии и пропорциональность между протяженностью береговой линии государства и площадью континентального шельфа этого государства.

Дело о континентальном шельфе Северного моря, вероятно, более всего известно тем, что в своем решении Суд опирался на принцип «естественного продолжения» континентального шельфа, согласно которому подводный шельф рассматривается как продолжение континента, что приводит к выводу о том, что острова, находящиеся на этом шельфе, не обладают такой же способностью создавать зоны, как сама континентальная суша. В этом решении Суд указал, что наличие островков и скал должно игнорироваться при делимитации континентального шельфа (van Dyke, 1989, p. 54).

В итоге Турция отказалась присоединиться к Конвенции 1982 г. Помимо того что ее мнение по многим вопросам не было учтено, среди главных причин отказа были следующие: непризнание за прибрежными государствами права выступать с «оговорками или исключениями» (ст. 309); закрепление внешнего лимита территориального моря в 12 морских миль и его фактическое рассмотрение в качестве нормы международного обычного права; игнорирование так называемых «особых обстоятельств» при проведении разграничения ИЭЗ и КШ; наделение островов правом по формированию расширенных морских зон даже в условиях наличия «особых обстоятельств» (Inan & Gozen, 2009, pp. 161—164).

URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf (дата обращения: 10.01.2021).

Турция и международное судебное разбирательство

Греция неоднократно заявляла, что она готова обратиться в международные судебные инстанции с иском против действий Турции как в Эгейском море, так и непосредственно в восточной части Средиземного моря (так называемом Левантийском море). Рассматривая спор, сводящийся лишь к трактовке норм и положений международного морского права, Греция выражает уверенность в благоприятном для себя решении, считая позицию Анкары необоснованной с правовой точки зрения, а следовательно, заведомо проигрышной. При этом в СМИ уже хрестоматийно высказывается точка зрения, что Анкара крайне боится такого развития событий.

На первый взгляд, все верно: даже турецкие эксперты признают, что передача дела на рассмотрение Международного Суда ООН будет не в интересах Турции, так как спор вокруг Эгейского моря — это не просто спор о правовых вопросах, а в большей степени политическая дискуссия, касающаяся толкования норм и положений Лозаннского мирного договора 1923 г. И если МС ООН будет руководствоваться современными нормами и положениями международного, в том числе морского права, то решение, безусловно, может быть вынесено в пользу Греции, а не Турции (Başlar, 2001, p. 28).

Действительно, международные судебные инстанции зачастую руководствуются правовым позитивизмом, а значит, гораздо меньше внимание обращают на соблюдение принципа справедливости, который является краеугольным камнем турецких притязаний. И если Суд будет оперировать исключительно действующими нормами международного права, то решение, скорее всего, будет в пользу Греции. Кроме того, национальный состав судейской коллегии также может иметь непосредственное влияние на направленность выносимого вердикта. Наконец, Турция может опасаться и того, что вынесенное решение, если оно будет не в ее пользу, будет необратимым и имеющим обязательную силу (Georgiades, 2011, p. 123).

Однако, с нашей точки зрения, ситуация выглядит несколько сложнее.

Во-первых, нельзя забывать, что Греция уже инициировала иск против Турции в 1976 г. в МС ООН по вопросу о разграничении континентального шельфа Эгейского моря. Суд признал у себя отсутствие юрисдикции по рассмотрению этого иска, так как Греция сделала в 1931 г. целый ряд оговорок к Генеральному акту о мирном разрешении международных споров 1928 г., которые не позволяли передать дело на рассмотрение Суда, а именно: «Процедуры, описанные в Генеральном акте, не распространяются на следующие споры... касающиеся вопросов, которые по международному праву решаются исключительно в рамках внутренней юрисдикции государств, и в частности споры, касающиеся *территориального статуса Греции* (курсив наш. — П.Г.), включая споры, связанные с ее правом на суверенитет над ее портами и линиями связи»¹⁶.

Несмотря на то, что Греция считала данную формулировку никак не связанной с проблематикой континентального шельфа, так как самого такого института тогда не существовало, а фраза «территориальный статус» вряд ли может быть отождествлена с конвенционной формулировкой о «суверенных правах» прибрежного государства в отношении ресурсов континентального шельфа, Суд счел иначе. Он пришел к выводу, что выражение «споры, касающиеся территориального статуса Греции» должно толковаться в соответствии с нормами международного права в том виде, в каком они существуют сегодня, а не в том виде, в каком они существовали в 1931 г. Суд отметил, что было бы трудно принять утверждение, что делимитация совершенно не связана с понятием территориального статуса, и указал, что спор, касающийся разграничения континентального шельфа, уже по

своему характеру относится к тем, которые связаны с территориальным статусом, поскольку права прибрежного государства на континентальный шельф вытекают из его суверенитета над прилегающими территориями суши.

В результате можно предположить, что для Греции в той или иной степени подача нового иска против Турции может вылиться в повторение ситуации середины 1970-х гг., что крайне нежелательно для официальных Афин. Помимо этого ситуация осложняется тем обстоятельством, что при ратификации Конвенции 1982 г. Греция воспользовалась предоставленным ею правом в рамках ст. 298 исключить целый ряд споров из-под юрисдикции международных судебных инстанций (Международный Суд ООН, Международный Трибунал по морскому праву, Арбитраж и Специальный Арбитраж), предписанных Конвенцией. В частности, это:

— споры, касающиеся *делимитации морских границ* (курсив наш. — П.Г.);

— споры, связанные с историческими заливами или титулами;

— споры, касающиеся военной деятельности;

— споры, касающиеся правоприменительной деятельности в связи с осуществлением суверенных прав или юрисдикции;

— споры, в отношении которых Совет Безопасности ООН осуществляет функции, возложенные на него Уставом.

При этом Греция оставила для себя определенную «лазейку» возможностей, заявив: «Во исполнение статьи 287 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву правительство Греческой Республики настоящим выбирает Международный трибунал по морскому праву, учрежденный в соответствии с приложением VI к Конвенции, в качестве средства урегулирования вопросов, связанных с толкованием или применением Конвенции»¹⁷.

¹⁶ Дело о континентальном шельфе Эгейского моря (меры временной защиты). Постановление от 11 сентября 1976 года // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948—1991. С. 128—132. URL: https://legal.un.org/iccsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

¹⁷ Declarations and Reservations. Greece // United Nations Convention on the Law of the Sea. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=_en#EndDec (accessed: 12.02.2021).

Таким образом, может сложиться впечатление, что Греция имеет право подать иск против Турции в Международный Трибунал по морскому праву. Однако Трибунал — это орган, созданный именно в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., участницей которой, как мы уже упоминали выше, Турция до сих пор не является. Из этого следует, что никаких легитимных способов привлечения Турции к разбирательству по инициативе Греции в Трибунале без согласия официальной Анкары не существует.

Представляется, что даже если бы турецкое правительство пошло на такой шаг, то Трибунал был бы вынужден сначала решить вопрос со своей юрисдикцией по иску: проанализировать те исключения, которые были сделаны Грецией в рамках ст. 298 и других международных соглашений, а также зафиксировать факт наличия попыток урегулирования спора между сторонами путем проведения переговоров или консультаций. Учитывая, что Афины вообще не видят предмета для дискуссии с Анкарой, так как считают турецкие претензии полностью нелегитимными, сделать это будет непросто.

Кроме того, принимая во внимание неучастие Турции не только в Конвенции 1982 г., но и во всех Женевских конвенциях 1958 г., любая международная судебная инстанция будет вынуждена анализировать, какие нормы этих соглашений могут считаться на сегодняшний день устоявшимися нормами международного обычного права (так называемый международный обычай) (Вылегжанин, Каламкьян, 2012), а значит, быть обязательными для исполнения Турцией. Одно это обстоятельство максимально ограничивает перспективы судебного разбирательства.

И последнее: пока споров, в которых перед Трибуналом ставились бы вопросы толкования материального международного морского права, было чрезвычайно мало (Абгарян, 2015, с. 100). Первым подобным делом был спор о делимитации морской границы между Бангладеш и Мьянмой 2012 г., причем основной целью данного разбирательства было достижение именно справедливого результата.

Некоторые эксперты обращают внимание, что ст. 20 Статута Трибунала предусматривает процедуру запроса консультативного заключения¹⁸, которое могло бы дать ответ на вопрос, какие принципы следует использовать при делимитации границ без фактического разграничения или о типах временных соглашений, которые оба государства могли бы осуществить без ущерба для будущих границ делимитации и своих суверенных прав (Georgiades, 2011, p. 125). Однако и здесь есть одно существенное ограничение: согласно ст. 138 Регламента, «Трибунал может вынести консультативное заключение по юридическому вопросу, если международное соглашение, касающееся целей Конвенции, конкретно предусматривает представление Трибуналу просьбы о вынесении такого заключения»¹⁹. К сожалению, на данный момент таких соглашений нет (Караман, 2007, с. 58).

Безусловно, Греция и Турция могут прибегнуть и к другим формам урегулирования спора, таким как: согласительная процедура, расследование и установление фактов, добрые услуги и посредничество, — главной взаимоприемлемой характеристикой которых является необязательность выполнения решения для сторон в отличие от любого судебного разбирательства. С нашей точки зрения, именно отсутствие «обязательности» могло бы устроить обе стороны конфликта, но для этого требуется политическая воля с двух сторон.

Концепция «Голубая родина»

К настоящему времени у Турции сложилось свое видение того, какие морские зоны суверенитета и юрисдикции существуют у нее не только в Черном, но и Средиземном море, включая Эгейское. Принципиальное

¹⁸ Statute of the International Tribunal for the Law of the Sea // ITLOS. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/basic_texts/statute_en.pdf (accessed: 12.02.2021).

¹⁹ Rules of the Tribunal // ITLOS. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/basic_texts/ITLOS_8_25.03.21.pdf (accessed: 12.02.2021).

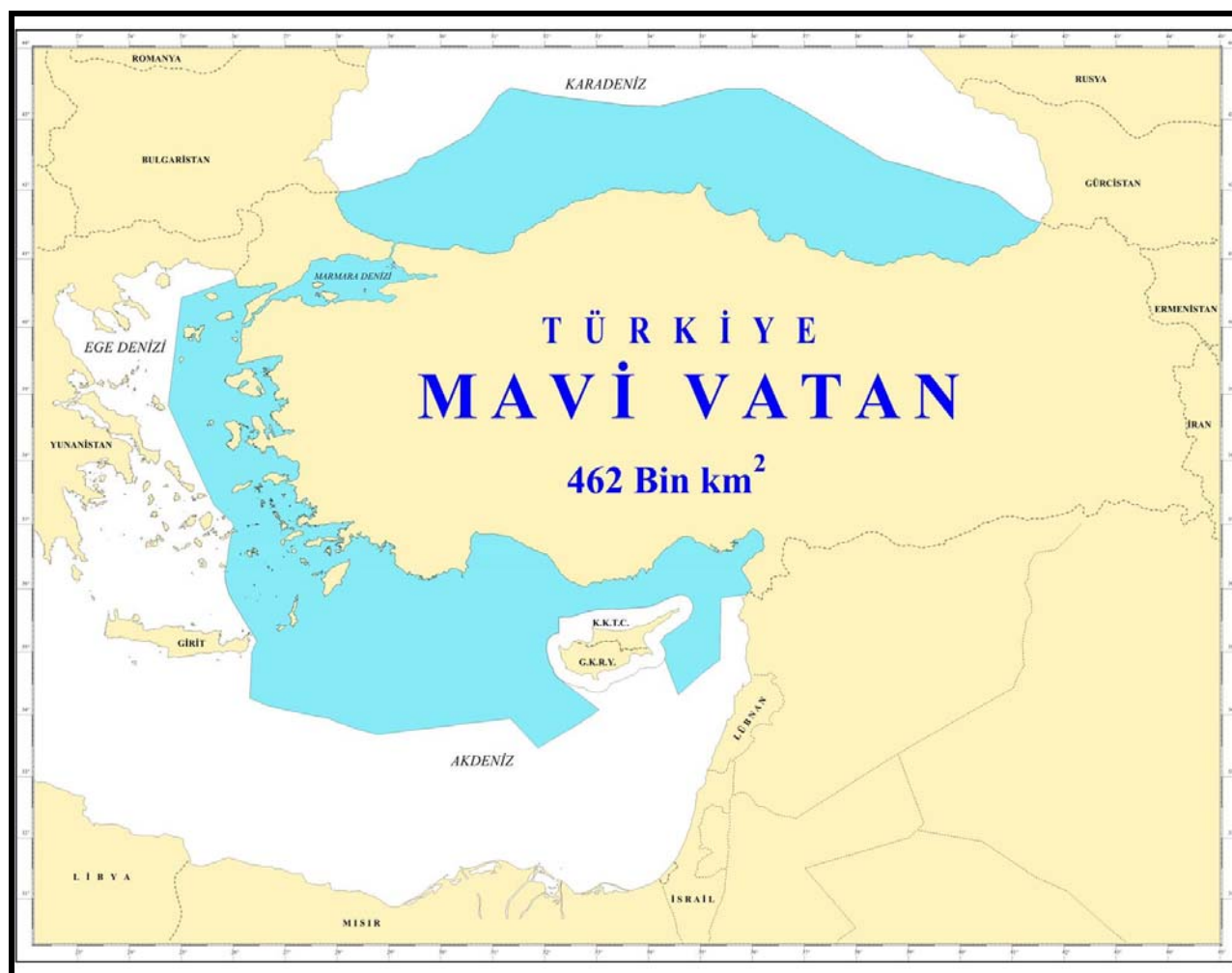

Рис. 1. Карта морских притязаний Турции в рамках доктрины «Голубая родина»
 Источник: Mavi Vatan. URL: https://tr.wikipedia.org/wiki/Mavi_Vatan (accessed: 15.03.2021).

Fig. 1. Turkey's maritime claims under "Mavi Vatan" doctrine

Source: Mavi Vatan. URL: https://tr.wikipedia.org/wiki/Mavi_Vatan (accessed: 15.03.2021).

различие между этими двумя морскими регионами лишь в том, что в Черном море морские границы Турции с другими странами давно согласованы в рамках серии двусторонних соглашений (с Болгарией и СССР)²⁰, а в Средиземном — у Турции нет никаких договоренностей ни с Грецией, ни с Кипром, ни

²⁰ Правда, можно отметить один немаловажный нюанс: советско-турецкие договоренности 1970—1980-х гг. сохранили свою силу и после распада СССР, но были подтверждены дополнительным протоколом между Турцией и Грузией в 1997 г. При этом таких протоколов не было заключено ни с Россией, ни с Украиной. В свете вхождения Крыма в состав Российской Федерации вряд ли следует ожидать таких действий со стороны Анкары, так как это де-юре уже будет означать признание российских морских зон вокруг Крымского полуострова.

с Сирией. Однако это не мешает Анкаре высказывать свои претензии на достаточно большие морские пространства (рис. 1).

Катализатором этих правопритязаний стала так называемая «Севильская карта» (Potka, 2006, р. 20), на которой было показано, какие морские зоны должны иметь в Восточном Средиземноморье Республика Кипр и Греция. Для Турции самым неприемлемым стало то, что греческий остров Кастелоризо, находящийся в непосредственной близости от турецкого берега, при формировании внешних границ своих ИЭЗ и КШ позволяет этим зонам сомкнуться с идентичными зонами Республики Кипр (Çubukçuoğlu, 2014). Это прямо противоречит изначальной позиции Турции, что острова не могут

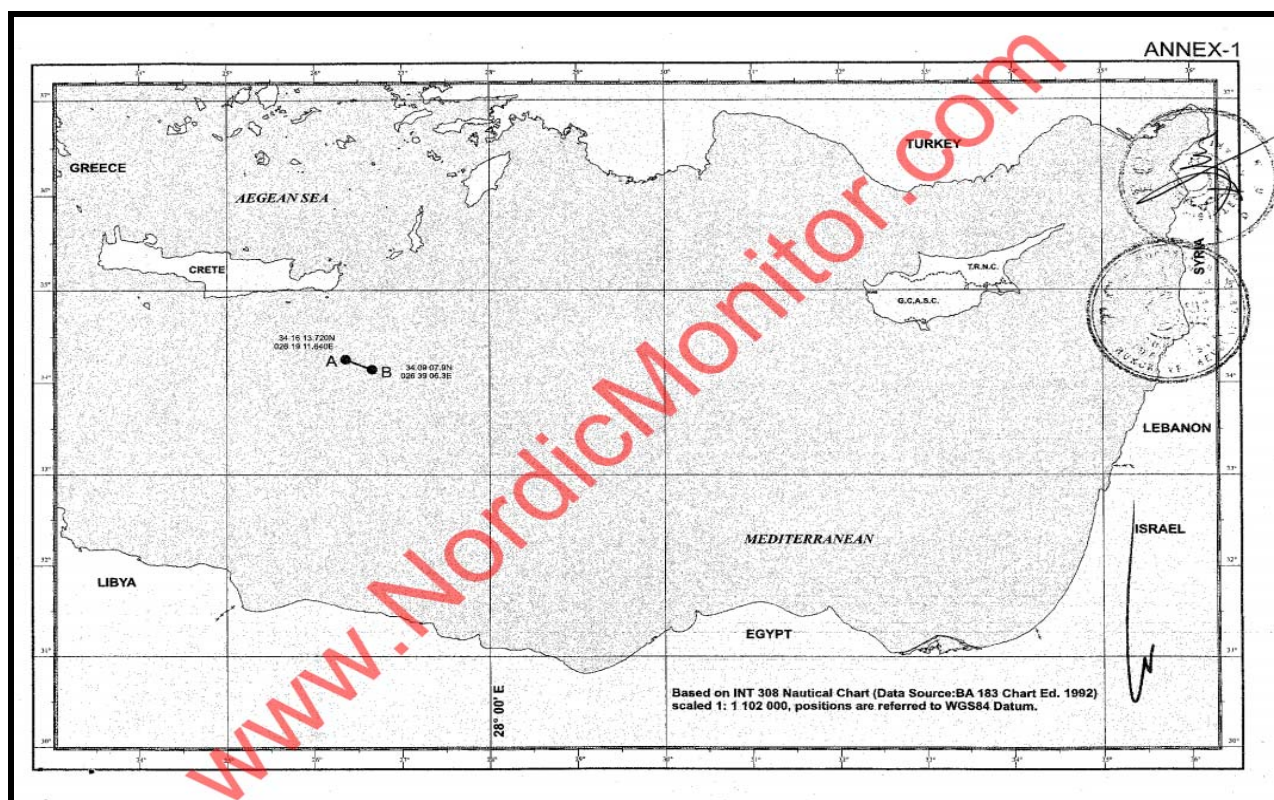

Рис. 2. Линия разграничения морских пространств между Турцией и Ливией по Меморандуму 2019 г.

Источник: Full text of Turkey-Libya maritime agreement revealed. URL: <https://nordicmonitor.com/2019/12/the-full-text-of-turkey-libya-maritime-agreement-revealed/> (accessed: 15.03.2021).

Fig. 2. The delimitation line between Turkey and Libya under 2019 Memorandum

Source: Full text of Turkey-Libya maritime agreement revealed. URL: <https://nordicmonitor.com/2019/12/the-full-text-of-turkey-libya-maritime-agreement-revealed/> (accessed: 15.03.2021).

обладать правом на формирование расширенных морских зон за исключением территориального моря, и ведет к лишению Турции как акваторий под ее суверенитетом и юрисдикцией, так и огромной площади континентального шельфа (Sioussiouras & Chrysochou, 2014).

В качестве ответа на эти «провокации» турецкий адмирал Джем Гюрдениз (Sem Gürdeniz) и другой высший офицер турецкого флота Джихат Яйджи (Cihat Yauci) разработали карту и концепцию «Голубая родина» (*Mavi Vatan*) (Gürdeniz, 2019; 2020). Она постепенно превратилась из просто концепции в хоть и неофициальную, но фактически морскую доктрину Турции. Во всяком случае, как иначе еще оценивать тот факт, что практически повседневной рутинной стало предложенное в ее рамках оспаривание практики Республики Кипр по выдаче лицензий на разведку нефти и газа в зонах, которые Анкара рассматривала как находящиеся под

юрисдикцией Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК)²¹. В этих целях использовались турецкие сейсмологические и буровые суда в сопровождении национальных ВМС. Кроме того, в марте 2019 г. прошли первые военно-морские учения, носящие название «Голубая родина».

Кульминацией реализации этой доктрины стал турецко-ливийский меморандум от 27 ноября 2019 г.²², суть которого сводилась к тому, что именно Турция (а не Греция!) и

²¹ Gürel A., Mullen F., Tzimitras H. The Cyprus Hydrocarbons Issue: Context, Positions and Future Scenarios // PRIO Cyprus Centre. 2013. URL: https://www.prio.org/Global/upload/Cyprus/Publications/Hydrocarbons_Report-ENG.pdf (accessed: 15.03.2021). См. также: (Kaysi, 2013).

²² Full text of Turkey — Libya maritime agreement revealed // Nordic Monitor. December 5, 2019. URL: <https://www.nordicmonitor.com/2019/12/the-full-text-of-turkey-libya-maritime-agreement-revealed/> (accessed: 26.03.2021).

Ливия в этом морском регионе являются государствами с противоположными побережьями, а значит, должны провести разграничение морских пространств (рис. 2) (Yauci, 2019; 2020). При этом такая делимитация была проведена обеими странами таким образом, чтобы показать Греции, что ее острова, даже такие большие, как Крит и Родос, полностью лишены права на формирование морских зон вокруг себя. Более того, такое двустороннее разграничение, вне всяких сомнений, было призвано показать, что именно Турция будет решать судьбу Восточно-средиземноморского газового трубопровода, так как его маршрут, с точки зрения Анкары, проходит по ее континентальному

шельфу, а значит, без согласия турецкого правительства реализация этого проекта является невозможной. Нет ничего удивительного, что подписание этого документа, который, правда, не надо отождествлять с межгосударственным соглашением, вызвало критически острую реакцию не только в Афинах, но и в Брюсселе.

Наконец, в 2020 г. на имя Генсекретаря ООН была отправлена карта с указанием географических координат внешних границ континентального шельфа Турции (рис. 3), как их видела последняя после заключения Меморандума с Ливией. Отличие этой карты от карты «Голубой родины» лишь в том, что она не включает в себя районы притязаний

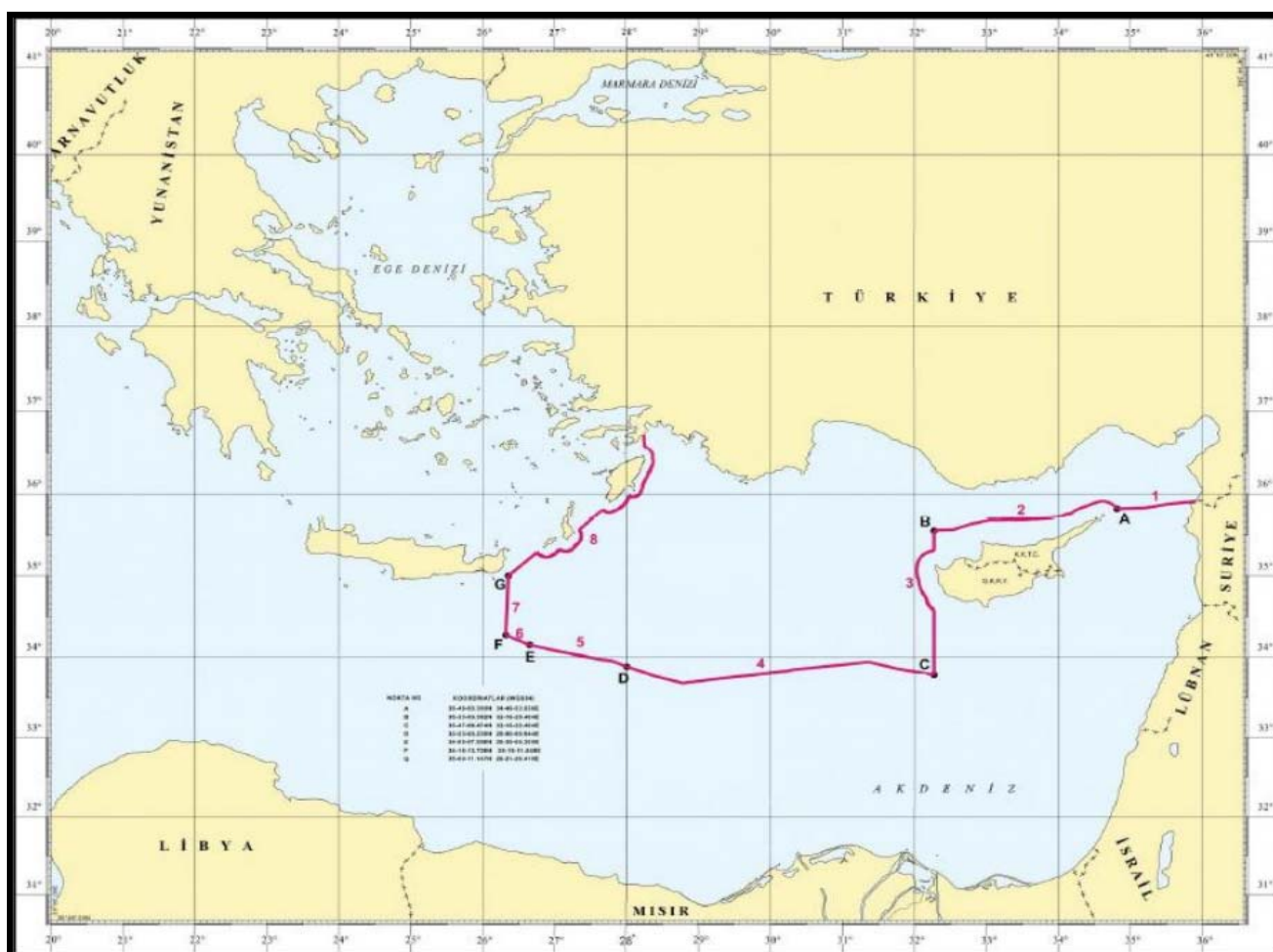

Рис. 3. Внешние границы континентального шельфа Турции, представленные в ООН

Источник: Приложение к письму Постоянного представителя Турции при Организации Объединенных Наций от 18 марта 2020 года на имя Генерального секретаря. URL: <https://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/A/74/824> (дата обращения: 10.02.2021).

Fig. 3. Turkey's outer limits of the continental shelf presented to the UN

Source: Letter dated 24 April 2020 from the Permanent Representative of Cyprus to the United Nations addressed to the Secretary-General. URL: <https://undocs.org/en/a/74/824> (accessed: 10.02.2021).

Турции к востоку и юго-востоку от о. Кипр, то есть между последним, с одной стороны, и Сирией, и Ливаном — с другой. Причина таких отличий — осторожность турецкого МИДа, который не хотел таким образом ухудшать и так непростые отношения с другими странами региона.

С точки зрения Джема Гурдениза, «Голубая родина» зиждется на трех столпах²³.

Во-первых, это констатация того, что Турция снова обращает свой взгляд на моря и океаны, вновь становится морской державой. Анкара в открытую заявляет о своих интересах в этой области и делает ставку на развитие своего морского и военно-морского потенциалов.

Во-вторых, очерчивание зон суверенитета и юрисдикции Турции, включая внешние границы территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа.

В-третьих, это больше не просто концепция, а фактически доктрина защиты прав Турции на прилежащие морские акватории, дно и недра, а также ее прав в тех областях, где у нее есть собственные национальные интересы. Ее реализация предполагает использование ВМС Турции в качестве инструмента военной дипломатии и дипломатии сдерживания; использование потенциала оборонной промышленности для поддержания должной боеготовности ВМС и ВВС Турции; использование турецких сейсмологических и буровых судов для проведения соответствующих работ; создание правовой базы для готовности отстаивать свои интересы в ходе судебных разбирательств.

Важным элементом этой доктрины является идеология пантюркизма или даже, если можно так выразиться, «морского неосманизма»: «Турция представляет турецкий мир: она представляет народы от Казахстана до Балкан, у которых нет береговой линии. Турецкая Республика является единственной

²³ Qu'est-ce que la « patrie bleue »? Une conversation avec l'idéologue de la doctrine géopolitique turque // Le Grand Continent. 26.10.2020 URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2020/10/26/cem-gurdeniz-geopolitique-maritime-turque/> (accessed: 26.03.2021).

страной, которая может позволить этому миру стать морскими державами и дать этим народам выход к морю и остальному миру. Мы должны думать обо всех этих народах и государствах»²⁴.

Помимо этого, доктрина «Голубая родина», как это ни удивительно на первый взгляд, имеет острую антинаатовскую, антиамериканскую и антиевропейскую направленность²⁵. С точки зрения одного из авторов доктрины, США и НАТО заинтересованы в ограничении Турции районом Анатолии, то есть будут пытаться закрыть для Турции выход из Средиземного моря в Мировой океан, а также в лишении Турции доступа к ресурсам всего Восточного Средиземноморья, создании независимого Курдистана с выходом к морю, и открытая поддержка гюленистов — прямое тому свидетельство. В этой связи он полагает, что в интересах Турции — заключение новых альянсов и поиск новых союзников, среди которых рассматривается и Россия. В частности, он предлагает признать суверенитет Абхазии в ответ на признание со стороны Москвы суверенитета ТРСК²⁶.

Заключение

Турция активно включилась в борьбу за Восточное Средиземноморье, за его морские пространства и ресурсы. Несмотря на то, что современный турецкий подход к решению региональных противоречий и конфликтов неизбежно ведет к нарушению или же ущемлению прав тех или иных региональных государств (хотя эти права предоставляются в рамках норм и положений современного международного морского права), а также зиждется на идеологии пантюркизма или же

²⁴ What Turkey wants? // InsideOver. September 8, 2020. URL: <https://www.insideover.com/politics/mediterranean-gurdeniz-turkey.html> (accessed: 12.03.2021).

²⁵ Blue Homeland: The Heated Politics behind Turkey's New Maritime Strategy // War on the Rocks. June 2, 2020. URL: <https://warontherocks.com/2020/06/blue-homeland-the-heated-politics-behind-turkeys-new-maritime-strategy/> (accessed: 18.03.2021).

²⁶ What Turkey wants? // InsideOver. September 8, 2020. URL: <https://www.insideover.com/politics/mediterranean-gurdeniz-turkey.html> (accessed: 12.03.2021).

нового османизма, у него есть свои определенные исторические корни.

Турция изначально имела принципиально иное видение в отношении тех вопросов, которые затрагивали ее национальные интересы в морской сфере, но в силу гораздо более слабого потенциала и меньшего дипломатического веса не могла отстоять свою позицию пред лицом великих держав времен холодной войны. В этой связи можно даже предположить, что Турция никогда бы не пошла на подписание Лозаннского мирного договора 1923 г., который закрепил баланс интересов между странами в регионе, если бы знала, каким путем пойдет трансформация международного морского права (Wilson, 1979, p. 1), а именно — к появлению 12-мильного лимита территориального моря, наделению островов правом формирования расширенных морских зон, появлению правового режима континентального шельфа и отказу от концепции его естественного продолжения и т. д. Все это вместе сформировало условия для того, чтобы Анкара пришла к выводу, что нормы и положения международного права не могут занимать более

высокое положение, нежели критерий справедливости.

Безусловно, справедливость — это философская категория, и международным судебным инстанциям бывает очень тяжело делать выбор между правовым позитивизмом и принципом справедливости, здесь нет единой и универсальной практики. Однако это не означает, что Турция в рамках своего подхода не может озвучивать свою позицию, даже если она в каких-то сферах отличается излишним радикализмом. Более того, Турции нельзя отказать в некоей последовательности при отстаивании своих национальных интересов. И даже появление новой морской доктрины Турции *Mavi Vatan* — это не просто закономерный этап развития ее взглядов, концептуально-идеологическое оформление ее претензий, но и одновременно — реакция на действия США, ЕС и НАТО в регионе. И как ни парадоксально, даже сложные отношения России с Турецкой Республикой не означают автоматически, что реализация определенной части турецких морских амбиций не отвечает интересам Российской Федерации в тех или иных сферах.

Поступила в редакцию / Received: 31.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список / References

- Абгарян Д.Р. Практика Международного Трибунала по морскому праву. М.: Юстицинформ, 2015. [Abgarjan, D. R. (2015). *Practice of the International Tribunal for the Law of the Sea*. Moscow: Justicinformpubl. (In Russian).]
- Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право. 2012. № 6. С. 78—89. [Vylegzhanin, A. N., & Kalamkaryan, R. A. (2012). International custom as the main source of international law. *State and Law*, (6), 78—89. (In Russian).]
- Караман И.В. Международный Трибунал по морскому праву: регламентация деятельности и судопроизводство. Одесса: Феникс, 2007. [Karaman, I. V. (2007). *International Tribunal for the Law of the Sea: Regulations and justice*. Odessa: Feniks publ. (In Russian).]
- Лабуть Д.А. Концепция «естественного продолжения сухопутной территории государства» в документах Комиссии по границам континентального шельфа // Международное право. 2018. № 2. С. 27—46. DOI: 10.25136/2306-9899.2018.2.26992 [Labut, D. A. (2008). The concept of “natural continuation of the state’s land territory” in the documents of the Commission on the Limits of the Continental Shelf. *International Law*, (2), 27—46. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2306-9899.2018.2.26992>]
- Тихомин К.В. Роль островных территорий при разграничении морских пространств // Московский журнал международного права. 2008. № 3. С. 151—171. [Tihomin, K. V. (2008). The role of island territories in the delimitation of sea spaces. *Moscow Journal of International Law*, (3), 151—171. (In Russian).]
- Başlar, K. (2001). Two Facets of the Aegean Sea Dispute: ‘de lege lata’ and ‘de lege ferenda’. In K. Başlar (Ed.), *Turkey and international law* (pp. 153—213.). Ankara: Özen Publ. Retrieved from https://web.archive.org/web/20060822022924/http://www.turkishweekly.net/pdf/aegean_sea.pdf

- Çubukçuoğlu, S. S. (2014). *Turkey's EEZ in the Mediterranean Sea: The case of Kastellorizo* [master's thesis]. Fletcher School of Law and Diplomacy. Retrieved from https://www.academia.edu/9532225/Turkeys_EEZ_in_the_Mediterranean_Sea_The_Case_of_Kastellorizo
- Georgiades, E. A. (2011). The Imia Islets: A beginning to the maritime delimitation of the Aegean Sea dispute. *Ocean and Coastal Law Journal*, 17(1), 103—126. Retrieved from <https://digitalcommons.maine.edu/oclj/vol17/iss1/5>
- Gürdeniz, C. (2019). *Mavi Vatan Yazilari*. Istanbul: Kirmizi Kedi Yayınevi.
- Gürdeniz, C. (2020). *Mavi Vatan'ın Güney Cephesi: Dogu Akdeniz*. Ankara: Pankus Yayınları.
- Inan, Y., & Gozen, M. P. (2009). Turkey's maritime boundary relations. In M. Kibaroglu (Ed.), *Eastern Mediterranean. Countries and issues* (pp. 153—213). Ankara: Foreign Policy Institute.
- Kaysi, D. A. (2013). *The law and geopolitics of maritime delimitation in the Eastern Mediterranean* [master's thesis]. Yale Law School. Retrieved from https://www.academia.edu/28172239/The_Law_and_Geopolitics_of_Maritime_Delimitation_in_the_Eastern_Mediterranean
- Politakis, P. G. (1995). The Aegean agenda: Greek national interests and the new law of the Sea Convention. *The International Journal of Marine and Coastal Law*, 4(4), 497—527. <https://doi.org/10.1163/157180895X00259>
- Potka, F. (2006). *Geopolitics and the overlapping EEZ claims in Eastern Mediterranean: a Liberal Institutionalism approach for the resolution between Cyprus and Turkey* [master's thesis]. Flensburg: Europa-Universität Flensburg & University of Southern Denmark. Retrieved from https://www.academia.edu/29570077/Geopolitics_and_the_overlapping_EEZ_claims_in_Eastern_Mediterranean_a_Liberal_Institutionalism_approach_for_the_resolution_between_Cyprus_and_Turkey
- Siousiouras, P., & Chrysochou, G. (2014). The aegean dispute in the context of contemporary judicial decisions on maritime delimitation. *Laws*, 3(1), 12—49. <https://doi.org/10.3390/laws3010012>
- Van Dyke, J. M. (1989). The role of islands in delimiting maritime zones: The case of the Aegean Sea. *Ocean Yearbook Online*, 8(1), 44—69. <https://doi.org/10.1163/221160089X00047>
- Van Dyke, J. M. (2005). An analysis of the Aegean disputes under international law. *Ocean Development & International Law*, 36(1), 63—117. <https://doi.org/10.1080/00908320590909088>
- Wilson, A. (1979). The Aegean dispute: Introduction. *The Adelphi Papers*, 19(155), 1—1. <https://doi.org/10.1080/05679327908457350>
- Yaycı, C. (2019). *Libya Türkiye'nin Denizden Komsusudur — Dogu Akdeniz'de Deniz Alanlarının Sinirlendirilmesinde Libya'nin Rolü*. Istanbul: ASAM Yayınları.
- Yaycı, C. (2020). *Libya Türkiye'nin Denizden Komsusudur*. Istanbul: Kirmizi kedi Yayınevi.
- Yiallourides, C. (2019). *Maritime disputes and international law: Disputed waters and seabed resources in Asia and Europe*. London: Routledge.

Сведения об авторе: Гудев Павел Андреевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН); ORCID: 0000-0002-2951-6313; e-mail: gudev@imemo.ru

About the author: Gudev Pavel Andreevich — PhD in History, Leading Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS); ORCID: 0000-0002-2951-6313; e-mail: gudev@imemo.ru